

Руслана Ляшева. От быта к бытию – вертикаль поэзии

Категория: [Критика, литературоведение](#)

Автор: [Ляшева Руслана Петровна](#)

2012 год, Выпуск № 4

Недавно я делала обзор поэзии, в котором соседствовали и сравнивались стихи поэтов от Москвы до самых до окраин, а точнее от Петербурга до Арсеньева в дальневосточное Приморье; статья называлась «Реализм без берегов? Замечательно!». Теперь же представился удачный случай (прислали книжные новинки из одного региона) поразмышлять над творчеством поэтов Кузбасса; это ведь занятие – не менее сложное и интересное.

Соединил живое с вечным. В стихах

Начнем как бы издалека. наших космистов [Константина Циолковского](#), [Николая Федорова](#), Александра Чижевского «за бугром», на Западе долго не воспринимали всерьез; отмахивались от них; так, мол, чудачки. Однако по мере того, как космос все больше и больше наполнял современную действительность, отношение менялось к нашим космистам и вообще к проблемам Космоса. В 90-е годы ученые разных стран от Австралии до Голландии обратились к этой сфере познания. Раньше считалось, что человечество имеет историю, а Вселенная – вечна; нынче стало очевидно, что Вселенная тоже имеет историю – эволюционирует. А как? Что будет дальше? Со Вселенной и с человечеством? Вопросом и концепцией всплыло множество, в одной из них, например, утверждается какое-то грандиозное событие в 2045 году; оно, дескать, станет точкой бифуркации, от которой начнется новая ветвь эволюции. Выживет ли человечество? Ученые из многих стран соберутся в России на симпозиум «Будущее мир. 2045» и пораскинет мозгами, что да как. Японцы обещают привезти роботов, значит, подключат к дискуссии искусственный интеллект, чтобы не оставить никаких тайн и загадок в предстоящем космическом происшествии.

Писатели дают фору ученым и словно подсказывают им разгадку Космоса. [Сергей Донбай](#) – поэт из Кемерово и главный редактор журнала «Огни Кузбасса» – с легкостью соединяет быт человека и громаду вселенной в произведениях десятой, но первой столичной книги «Посредине России» (Стихотворения. М.: «Российский писатель», 2011). Рука не поднимается выдирнуть цитату, приведу стихотворение полностью.

В простейшей форме пирамид
Есть тайна Космоса святая,
Как там, где облачко висит,
Как там, где мысль твоя витает.

Нездешней мыслью поражен.
Заметь, как ток ее бушует
В тебе, как будто ты включен
В розетку Космоса большую.

Ты на мгновение одно
Соединил живое с вечным
И смотришь в Космоса окно,
Как в детстве, мальчиком беспечным.

И в мальчика течет печаль,
Отечественная, земная.
Ты сам теперь его скрижаль,
Подобно Космосу, седая.

«Соединил живое с вечным», мысль с природой, которая будет эволюционировать вечно, меняя формы планет и живых организмов на них. Такой напрашивается ход размышлений на злободневную тему.

Если у автора вышло десять книг, то можно догадаться, что тема Космоса в его произведениях далеко не единственная, а лишь одна из многочисленных скреп меж бытом и Бытием. Верно! Творчество Сергея Донбая охватывает все стороны жизни – историю, политику и т.д. Нельзя, как заметил Козьма Прутков, объять необъятное, посему ограничимся еще одной его темой – семейной, чтобы получить представление о земных симпатиях и приоритетах сибиряка.

В пятницу утром (17.02.2012) я включила «Радио России» и в передаче «Взлетная полоса» услышала обсуждение журналистами и радиослушателями именно этой темы. Коротко суть оживленной беседы – такова. Сейчас под влиянием реформ происходит смена ценностных ориентиров у молодежи. Успех, карьера и материальное благополучие отодвинули на второй план традиционную (патриархальную) значимость семьи. Мужчина не стремится стать главой семьи, взяв на себя заботу о жене и детях. И женщина по менталитету меняется. Нынче молодые женщины не рвутся замуж, предпочитая вместо роли жены, матери и хозяйки дома престиж деловой женщины (бизнесвумен – популярный англицизм). Кстати, в Германии эта мода давно в ходу, женщина посвящает жизнь не детям, а деловой карьере. Вот и наши красавицы ринулись

туда же. Как тут не вспомнить народную поговорку: «Показал черт моду, да и сгинул в воду». С юмором, но серьезно.

Сергей Донбай не подвластен «европейской» моде и прочно держится традиционной привязанности к семье, роду, в котором тянется от дедов к отцам к внукам некая нравственная, скажем там, «пирамида».

Был наказан. Выплакался. Сплю.
Это я. Бессилен, счастлив, маленький...
Счастлив, что прощен, любим, люблю.
Что укрыт шаленкой маминой.

Сын наказан. Выплакался. Спит.
Тишина. Посапывает. К вечеру.
Счастлив ли?.. Отец пред ним стоит –
Это я же – с одеяльцем в клеточку.

«Патриархальные», значит, древние, но в то же время неизбывные, значит, и будущие приоритеты любви между родителями и детьми остаются, как утверждается в стихах С. Донбая, основой или стержнем человеческого общества. Жизнь в семье богата психологическими нюансами, порой родитель признает свою вину, как в коротеньком стихотворении «Отец».

Сын из летней свободы попал,
В новых шортах – на «скорую» прямо.
Врач диагноз ему написал
По-военному: «Рваная рана...»

Были быстро наложены швы,
Страх прошел... И душа повинилась:
«Зря на речку, сынок, не пошли –
Ничего бы с тобой не случилось».

Другое стихотворение, еще короче – «Радость». Прямое наставление молодежи в семье находить радость бытия:

Работает в квартире тишина –
Читает сын рассказы Шукшина.

Во всех стихах Сергея Донбая дышит такая естественная народность, что не откликнуться на нее душой читатель просто не сможет. Вот строки:

Дверь открой посредине России
И лицом к быстрине прикоснись;
Сколько там мужики искурили –
В тамбурах, размышляя про жизнь.

Лучше гор могут быть только горы...

...пел Владимир Высоцкий, и лейтмотив его песни определяет главное содержание книги стихов **Юрия Михайлова** «К свету» (Кемерово, 2007). В авторском предисловии к произведениям сказано: «Эти стихи родились под впечатлениями от путешествий по горам Кузнецкого Алатау и Хакасии. – Далее поэт продолжает в полном согласии с утверждением знаменитого актера и барда: – Ходим с ребятами (из литературного клуба «Колледж» в г. Березовском – Р.Л.) по туристским тропам, преодолеваем перевалы, поднимаемся на манящие нас вершины, знакомимся с местными легендами, окунаемся в чистую ауру горной страны».

Обратившись к теме Космоса, Юрий Михайлов обосновывает поэтическую концепцию, отличающуюся от выраженной в стихах Сергея Донбая. У Донбая, убедились мы по приведенному выше стихотворению, Космос соединяет быт и бытие, а у Михайлова наоборот противопоставляет: «Это помогает подняться над обыденностью (т.е. бытом – Р.Л.) и приблизиться к пониманию высших законов существования природы, человека». Мир, дескать, «живое существо, осознающее себя в бесконечном пространстве и времени», а познание таких истин «наполняет жизнь смыслом, светом».

В стихотворении «К гармонии» поэт живописует путь к постижению «высших законов» бытия.

Мы взошли на эту гору,
И теперь мы ближе к небу.
Стали мельче счастье, горе.
Стала слаще Корка хлеба.

Тут, как миг, все наши годы,
Божий дар и наказание.
В вечном Разуме природы
Мы лишь клеточка сознания.

Завершается стихотворение о приобщении к гармонии Космоса словами:

Вот и нам, чуть-чуть прозревшим,
Красоту блюсти и множить
На Земле в боренье грешном.
Звездный Разум нам поможет.

Рекультивация пейзажа и души

Сейчас о труде говорит едва ли не реже, чем о безработице, зато XX век каждый период в России метил лозунгов из стихотворной строки: «Как башни терпения домны встают за мою спиной», «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд» и т.д. Реформы приостановили интегральную поступь державы, будем надеяться – временно, но Кузбасс остался Кузбассом. Поэтический облик знаменитого рабочего края поэт **Виктор Коврижных** (Избранное время. Стихи. Кемерово. «Сибирский писатель», 2011) воссоздал в стихотворении «Город Березовский».

Представил дни его рожденья:
Сюда, в таежный край земли
Его бетонные строения,
Как бы случайно забрели...

Неудержима мощь металла!
Шахтеры славу обрели.
И сосны в свет его кварталов,
Как бы случайно забрели...

И здесь, конечно, заметен промышленный спад. КМК, воспетый Маяковским, перестал освещать заревом огненного металла небо над Новокузнецком, остался на берегу Томи младший собрат Запсиб в одиночестве, но дух созидания остался в душах металлургов, шахтеров и поэтов. Другое дело, прежде работа в сознании и стихах таких поэтов, как крановщик Коврижных, ассоциировалась с мастерством, рекордом, медалью (В 1984 году Кемеровское книжное издательство выпустило коллективный сборник стихов о родном крае, прямо озаглавленный – «Рабочая мелодия Кузбасса» – Р.Л.), а нынче труд оценивается не медалью за рекорды, но тем, как страдает природа от хищнической хватки человека. Стихотворение «Березы на отвале» можно назвать визиткой рабочего поэта Виктора Коврижных.

Окраина тихого света над голым
отвалом и ревом машин и огней...
В душе зацемент и пойму я, что голос
природа дала мне, чтоб молвить о ней.

Пробились! Сквозь камни, пожары и пепел!
Взошли, и родительский свет зазнобил.
А этот их детский, их лиственный лепет,
Я сам не пойму, отчего полюбил?

Словно ом не могли не родиться,
словно лишь живы они потоку:
чтоб нам, неразумным, но заблудиться,
душой не ослепнуть в камнях и дыму...

На отвале угольного разреза проросли березки; слушая детский лепет листочков, Коврижных ощутил параллельную рекультивации пейзажа рекультивацию своей души. Такие мотивы пантеизма и бережной любви к природе в поздних стихах этой объемной книги (включает четыре десятилетия творчества) звучат довольно-таки часто. Народ в аналогичных ситуациях мудро изрекает: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Кроме шуток, параллельные ряды духовного и материального в стихах Коврижных напомнили мне о философии тождества немецкого философа Шеллинга, очень популярного в XIX веке у наших славянофилов. Я потянулась было к Шеллингу на книжной полке, но передумала и довольствовалась статьей Ивана Киреевского «Девятнадцатый век» (Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., «Искусство», 1979). Нельзя не поразиться актуальности его слов: «Терпимость вместе с уважением к религии явилась на место ханжества, неверия и таинственной мечтательности. В философии идеализм и материализм помирились системой тождества. Общество высшим законом своим признало изящество образованной простоты... В поэзии подражание видимой действительности и мечтательность заменились направлением историческим...»

В самом деле, вскоре появились «Борис Годунов» Пушкина и «Тарас Бульба» Гоголя.

Не пора ли и нам оставить пустые споры о постмодернизме и новом реализме и тоже заинтересоваться поэзией исторической, коли даже рабочие поэты по стилю мышления к Шеллингу подбираются, как в этих строках Виктора Коврижных:

Ты выстрелишь словом и сдвинутся своды,
и смысл утеряв, заплутают народы.

Но только картофель взойдет в огороде,
все встанет на прежнее место в Природе.

Тут не только романтиков и Шеллинга помянешь, до греческой античности докатишься в поисках цельности быта и Бытия, очень важной для человека со времен далекой древности и по сию пору.

Может верно: молчание – золото?

Татьяна Колач, врач на «скорой» в городе Юрге, не обделена ни красотой – фотография на второй обложке, – ни талантом – стихи в книге «Молчанью вторя...» (Кемерово: Практика, 2009), но, похоже, главная профессия приучила ее к спешке, что на могло на отразиться на поэтических творениях; очень уж они отличаются друг от друга по качеству.

Открывает книгу прекрасное, преисполненное гражданского пафоса стихотворение.

Все было в жизни: радость, горе,
Разлуки лунная печаль.
Так и живу – молчанью вторя,
Хоть впору иногда кричать.

Да только нет спасенья в крике,
Колокола звонят, звонят...
Под этот звон живые лики
Все молчаливее глядят.

Для своих современников автор находит высокое сравнение со святыми, дескать, «живые лики», что обнадеживает читателя встретить на дальнейших страницах искренний разговор «за жизнь». Второе стихотворение эту надежду укрепляет. Здесь поэтический талант Татьяны Колач, как алмаз, играет всеми гранями.

С рассветом травы так тихи
В своем предутреннем раздолье...
Со мной случаются стихи,
Во мне случается Безмолвье.
И что за таинство вокруг,
Когда журчат ручьями строки?

Далее разворачивается метафора зрительного образа, созданного воображением в минуту поэтического вдохновения.

Вот растрещались как-то вдруг
Горласто-звонкие сороки.
Щенок гоняется, визжа,
За ними в приступе веселья.
Все это мило, и душа,
Как будто выпорхнув из кельи,
Парит над миром и двором,
Вбирая отрешенно звуки...
Щенок, обласканный теплом,
Доверчиво уткнулся в руки.

Всё на месте – зарисовка дворика с щенком и сороками выполнена с душевной теплотой и любовью к «тому «горласто-звонкому» миру. Просьба в третьем стихотворении: «Дай Бог, чтоб стихи – так от Бога... / Дай Бог, чтобы падали росы/ К ногам моего бытия...» – не кажется чрезмерной или нахальной. Просите, как говорится, и будет дано по вашей вере... Или (перефразируем) по вашему таланту. Тем не менее, не только Господь содействует тому, «чтоб стихи – так от Бога», сам поэт тоже должен над стихами хорошо потрудиться. Татьяна Колач не всегда к этому расположена. Ладно бы дело ограничивалось небрежностью в отдельных словах, например: «И как взмывают к небесам / Птенцы от отчего порога». Порога у птичьих гнезд не бывает, из-за неуместного словца зрительный образ разваливается. Или на соседней странице – 73 – «Душа до слез, до звезд оголена». Как соединить слезы и звезды? Прямо по пословице выходит: «В огороде бузина, а в Киеве дядька».

Хуже, когда вместо художественной детали («шаленка» у С. Донбая в стихах о детстве и сыне) Т. Колач натягивает на сюжет, как на барабан, риторику:

Ни за какие коврижки
Не вычеркну дни и годы...
Мальчишки мои, мальчишки –
И счастье мое и беда.
Поочередно выросли...

И так далее, и тому подобное до конца стихотворения. Последняя строка: «И жизнь продолжает свой бег», – не завершает поэтического образа, поскольку его не возникло, а всего лишь обрывает наворот банальностей. Между тем, проблема семьи так актуальна, что не надо было спешить и мчаться, как «Скорая помощь», найти бы «щелка» и через него обрисовать эстафету детства от бабушки к сыновьям и внукам.

Это у меня не критика, это советы талантливому человеку больше работать над каждым стихотворением. И еще одно попутное замечание Татьяне Колач – ее стенания о несчастной любви занимают половину книги, такой выброс негативной энергии на читателя заставляет усомниться в наличии милосердия у врача Колач. Можно наполнить ей, что Иван Бунин в молодости пережил тяжелый разрыв с невестой, которая его бросила, но ни в одном из его стихотворений нет стенаний. Только любовь к жизни! А замечательный ответ Бунина Господу на вопрос: «Был ли счастлив ты в жизни земной?» – часто цитируется у многих. «И от сладостных слез не сумею ответить, к Милосердным Коленам припав». Зрительный образ благодарности создает эффект экстаза. Есть чему поучиться у поэтов Серебряного века.

На посошок – удачное стихотворение Татьяны Колач.

Срывает ветер листья с ваток,
Уносит в стынущую глушь.
Я брошу несколько монеток
В кипенье мутно-серых луж.
Чтоб снова в осень возвращаться,
Переступить ее порог,
С друзьями верными встречаться,
Где длится осени урок.

Пусть длится урок не только осени, но и урок поэзии и, конечно, урок жизни, соединяющей воедино тяготы быта и восторги бытия.

Фантастике все возрасты покорны

Как известно, Лев Толстой в старости писал народные рассказы для крестьянских детей, издательство (кажется, «Посредник») продавало книжки по дешевой цене. Словно эхо традиции Толстого заботиться о народе восприняла я книжку **Петра Бурмина** «Детям о детях» (Стихи, поэма. Новокузнецк, 2011). И вот почему. Во всех городах любят фантастику, но только в Новокузнецке создали городской клуб любителей фантастики «Контакт». Его участники – от детей до взрослых – не только читают книги фантастов, но и сами их пишут и даже издают, зарабатывая для этого деньги и делая набор. Ответственными за выпуск небольшой, но симпатичной и трогательной книжки Л. Бурмина были президент клуба «Контакт» Н.Н. Калашников и сотрудники Централизованной библиотечной системы им. Н.В. Гоголя.

Книжка открывается «Автопортретом» П. Бурмина и его коротеньким сообщением о себе: родился в 1933 году на Алтае, через 2 года семья переехала в Новокузнецк, где автор и трудился до пенсии – на КМК ремонтником и в строительной фирме художником-оформителем. Печатает стихи и фантастику с 60-х годов.

Самуил Маршак вроде бы сказал, что для детей надо писать, как для взрослых, но только лучше. Этот художественный «метод» Петр Бурмин реализовал сполна. Стихи «Человек с портфелем», «Гудроновый мир» и другие, поэма «Всеяд из Плеяд» пронизаны фантастикой и юмором, озорством. Даром, что пенсионер, а детскую психологию понимает и воссоздает в стихах и поэме не хуже иного «пацана». «Человеку с портфелем» восемь лет от роду, и он по дороге в школу видит:

Юные березки
ветер по привычке
дергает за ветки,
словно за косички.

К мальчишкам Андрею и Панасу прилетел из Плеяд инопланетянин по имени Всеяд. Он был маленького росточка и седой, но после их приключений Панас сказал: «Я догадался по твоим довольно смелым шуткам, что ты пацан». И Всеяд подтвердил догадку, сообщив, что он еще даже не школьник. О путешествии ребят вместе с санным сараем на водопад Ниагару, подобно движению Емельки из сказки на теплой печи, лучше самим прочитать в книжке Бурмина. Весь остроумно изложенный сюжет не перескажешь в обзорной статье, а знакомство с ним полезно и детям, и взрослым, потому что оставляет в душе заряд бодрости и какой-то радости. Можно не сомневаться, что книжки местных фантастов новокузнецчанам «жить помогают», и тот из них, кто с фантастикой по жизни шагает, «тот никогда и нигде не пропадет». Как Андрюшка и Панас с новым другом Всеядом из Плеяд.

P.S. Нет в обзоре двух тем. Религия только мелькнула кое-где, зато в предыдущем обзоре поэзии «Реализм без берегов» православные стихи Любови Никоновой были конкретно представлены. Военно-патриотическая тема на слуху в жизни, Дмитрий Рогозин создает движение содействия армии, флоту и военно-промышленному комплексу. Что ж? «На границе тучи ходят хмуро...». Возродили ДОСААФ. Но поэты что-то запаздывают, такие книжки стихов мне не попались. В следующей статье, надеемся, будут стихи, и разговор продолжится.